

Чельшев Павел Валентинович

ДИАЛЕКТИКА ОБЫДЕННОГО И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ

В статье проанализирована природа обыденного сознания, в качестве главных элементов которой выделены повседневность, прагматизм, рецептурность, ситуативность, синкретизм, эмпиризм. Особое место в исследовании занимает проблема соотношения обыденного сознания со специализированными формами общественного сознания, религией, моралью, искусством, наукой и философией. Показано, что эти формы сознания, пытаясь "усовершенствовать" обыденное сознание, задают вектор его развития, но при этом и сами могут приобрести его признаки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 198-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

воспринимают местное самоуправление как форму народовластия, продуцирующую гибкие и подвижные схемы самоорганизации, которые могут иметь результатом как эффективные образцы практики самоуправления, так и, в силу некомпетентности местных управленческих структур, малоэффективные способы усовершенствования жизни местного сообщества. С другой стороны, местное самоуправление является для них формой осуществления публичной власти, деятельность которой регламентируется общими принципами организации местного самоуправления, устанавливаемыми самим государством, способным проконтролировать местную власть, «приструнить» её, «поставить на место», как, бывало, в стародавние времена делали управляющие помещиков в отношении зарвавшихся деревенских старост.

Антиномичность нормативно-ценностного восприятия населением местной власти продуцирует воспроизводство консервативных моделей поведения как самого населения, так и представителей местной власти. Процесс «вживления» в ценностно-нормативную матрицу народа чувства гражданской ответственности и местной солидарности невозможно осуществить только усилиями политической воли. Подлинное осознание себя источником власти в вопросах местного значения требует перестройки внутреннего «каркаса» национального характера народа и расстановки новых акцентов в восприятии им противоречивого единства социально-организующего и самоуправленческого начал во властно-подвластных отношениях.

Список источников

1. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2-х т. Новосибирск, 1997. Т. 1. 804 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
3. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. 654 с.
4. Семенникова Г. Феномен России. Россия русская (что такое Россия, происхождение, судьба) // Наука и жизнь. 1996. № 11. С. 40-47.
5. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию: послынные соображения. Л.: Советский писатель, 1990. 64 с.
6. Устинова О. В., Савицкая Ю. П. Особенности взаимодействия органов местного самоуправления с населением // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 257-263.

SOCIAL-ORGANIZING AND SELF-GOVERNMENT PRINCIPLES IN MENTALITY OF THE RUSSIAN PEOPLE AS A MANIFESTATION OF CONTRADICTIONARY UNITY OF ITS AUTHORITARIAN AND DEMOCRATIC ASPIRATIONS

*Tsigvintseva Galina Leont'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University (Branch) in Chaykovsky
cigvinceva@yandex.ru*

The article deals with the role of social-organizing and self-government principles in mentality of the Russian people as a manifestation of contradictory unity of its authoritarian and democratic aspirations. The historical background, which determined the formation of the paternalistic model of authoritative-subordinate relations, is shown. Permanent threats to national security, natural and climatic, economic and socio-political factors have led to absolutization of the role of the state and imbalance of organizing and self-government principles in the standard-value matrix of the people.

Key words and phrases: state; people; authoritarian model of government; self-government; mentality; community; social organization; contradictory unity.

УДК 165

Философские науки

В статье проанализирована природа обыденного сознания, в качестве главных элементов которой выделены повседневность, прагматизм, рецептурность, ситуативность, синкретизм, эмпиризм. Особое место в исследовании занимает проблема соотношения обыденного сознания со специализированными формами общественного сознания, религией, моралью, искусством, наукой и философией. Показано, что эти формы сознания, пытаясь «усовершенствовать» обыденное сознание, задают вектор его развития, но при этом и сами могут приобрести его признаки.

Ключевые слова и фразы: алгоритм; Бог; духовное преображение; повседневное сознание; искусство; мораль; наука; обыденное сознание; прагматизм; практическая деятельность; религия; рецепт; специализированное сознание; философия.

Чельшев Павел Валентинович, д. филос. н., профессор
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва
Simeon5@rambler.ru

ДИАЛЕКТИКА ОБЫДЕННОГО И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ

В классической философии сознание нередко отождествляется со знанием и понимается как некий фундаментальный способ приобретения этих знаний и отношения человека к отдельным предметам, к миру

в целом [5, с. 589-590]. При этом оговоримся, что понятие «обыденное сознание», которое обсуждается в статье, является лишь научной абстракцией, за которой стоит живой человек, его личность, вступающая в сложные и многогранные отношения с миром и другими людьми.

Обыденное сознание по своему происхождению является практическим, возникая стихийно в процессе жизнедеятельности человека. Эта практическая самореализация человека в «повседневном, чувственном опыте» [3, с. 66] – корень и ствол жизни, на котором при подходящих условиях могут вырасти такие цветы культуры, как мораль, искусство, наука, философия и религия. Все эти формы духовной деятельности отделились от практики и превратились в сравнительно автономные и независимые образования, в которых представлены высшие идеалы, часто напрямую не соотносящиеся с повседневной практической жизнью. В этой связи и возникает проблема соотношения обыденного и специализированного сознания, которая долгие годы в той или иной степени беспокоила как зарубежных, так и отечественных мыслителей [3; 4; 9-13].

Обыденное сознание, как правило, ограничивается познанием тех сторон, связей и отношений социоприродной действительности, которые имеют непосредственное отношение к практике. Как в повседневной бытовой жизни, так и в производственной деятельности человеку важно знать объект не отвлеченно, а в его практически значимых характеристиках. Мир интересует человека не бескорыстно, а в связи с удовлетворением определенных жизненных потребностей. Ведь человеку нужно есть, пить, одеваться, воспроизводить себя и свое потомство. Поэтому обыденное сознание не просто связано с повседневной деятельностью, но и служит исключительно этой деятельности.

Человек, ставя перед собой некую практическую задачу, вычленяет в предмете одни свойства и качества, отвлекаясь от тех, которые не являются для него важными в данный момент времени. Действующему человеку непосредственно нужно знать только одно, что именно и как нужно делать с тем или иным объектом. Исходя из этого, обыденное сознание можно рассматривать, образно говоря, в качестве «слуги жизни», работающего на потребу жизни, а не ради каких-то отвлеченных религиозных целей, высоких моральных идеалов и чистых научных истин. Его интересует знание не само по себе, а как элемент практического действия, которое в конечном счете обеспечит ему личный комфорт, процветание и благосостояние семьи.

Эта подчиненность прагматическим требованиям, интересам, потребностям, страстям и инстинктам является главной чертой обыденного сознания. Принцип практицизма, «ярмо полезности» приглушает здесь все иные возможные формы отношения человека с жизнью. В этом нет ничего плохого и предосудительного, ибо полезность – один из фундаментальных принципов нашего существования наряду с другими. Но в этом нет ничего плохого только до тех пор, пока человек помнит о более высоком предназначении своей жизни, ибо «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» [1, Лк. 4: 4].

Объекты, включенные в практическую деятельность, фиксируются обыденным повседневным сознанием как элементы этой деятельности, как продукты, полученные в результате производства, или как средства, используемые в нем. Поэтому обыденные знания, фиксируя логику повседневной жизни, обычно оформлены как алгоритмы и рецепты деятельности. Эти знания-рецепты позволяют человеку стандартно действовать по испытанным правилам в традиционных условиях. В этом и состоит жизненная сила и правда обыденных знаний. Будучи практическим знанием «в мире» и «для мира», обыденное сознание, в противоположность научному знанию «о мире», совершенно незаменимо в условиях повседневной бытовой деятельности. Поэтому оно «...весьма почтенный спутник в четырех стенах домашнего обихода» [6, с. 21]. В быту использование сложных научных методов для выработки молниеносных решений затруднено, более того, не более разумно, чем стрельба из пушки по воробьям.

Хотя обыденное сознание является эмпирическим [3, с. 66], было бы неверно думать, что обыденные знания возникают только как «логическая калька» причинно-следственных отношений практической деятельности. Люди не только наблюдают и устанавливают логические связи между вещами, но обязательно воспринимают вещи непосредственно, такими, какими они даны нашим органам чувств. Обыденные знания наглядны, образны, эмоционально окрашены. На этой основе возникает художественное видение мира, смягчающее суровый практицизм обыденного сознания. Поэтому закономерно оформление обыденных знаний в виде разнообразных народных художественных произведений [9, с. 166-167].

Несмотря на целостность и даже синкретичность обыденного сознания, в нем можно обнаружить относительно самостоятельные и автономные образования: политические и правовые представления, нравственные и религиозные установки, даже фрагменты философских воззрений. Обыденное сознание со своим опытом до поры до времени может быть вполне хорошим проводником в путешествии по «житейскому морю», хотя жизнь постоянно развивается и открывает все новые и новые горизонты.

Однако обыденное сознание вовсе не обязательно выступает в качестве жизнеутверждающего фактора. Его положительные качества незаметно оборачиваются другой стороной медали, превращаются в свою противоположность. Например, практичность обыденного сознания одновременно и стимулирует активность человека, и заглушает его творческие потенции, ограничивая свободу разума в познании. Практицизм часто мешаает обыденному сознанию выйти за узкие рамки частной житейской или производственной задачи. «Отлет» мысли от объекта практического оперирования здесь незначителен – обыденное сознание часто неспособно посмотреть на ситуацию со стороны и беспристрастно. Со временем практическая значимость обыденных знаний ослабевает, и они превращаются, как полагал Г. Гегель, «в максимы и предрассудки своего времени» [2, с. 29].

В современном обществе обыденное сознание формируется также и путем широко поставленного массового образования, посредством Интернета. Поэтому в нем появляются знания, выходящие за пределы

жизненного опыта. Но сердцевиной обыденного сознания остаются мысли людей о своей жизни и быте. Ведь обыденное сознание по самой своей сути неидеалистично. Это надо понимать в том смысле, что такие реалии, как Добро, Красота, Знание, Истина для него обладают несколько призрачным характером, принадлежат скорее досугу и развлечению, а не труду. Ибо обыденное сознание нацелено исключительно на постороннюю, земную жизнь, именно здесь находятся все сокровища, смыслы и ценности такого человека, а «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» [1, Мф. 6: 21].

Человек может, конечно, сделать предметом своего обыденного сознания межличностные отношения и отношения к Богу, но они будут всегда окрашены светом его индивидуального опыта, зависеть от уровня развития его личности. Здесь уместно вспомнить деление людей ап. Павлом на три разновидности: «душевных», «плотских» и «духовных» [Там же, 1 Кор. 2]. Первые два вида хорошо описываются понятием обыденного сознания.

В обыденной жизни действуют этические предписания, регламентирующие человеческое поведение с точки зрения добра и зла. Но отношение к ним будет разным у разных людей. Обыденный человек («плотский» и «душевный») живет не ради воплощения в жизнь этического закона самого по себе, а ради наиболее полного удовлетворения своих эгоистических потребностей и желаний. Если он и следует определенным этическим нормам, то только потому, что ему удобно и выгодно быть «разумным эгоистом». Еще меньше такой человек интересуется эстетическим отношением к жизни, красотой, рассматривая ее лишь как приятную забаву и украшение быта. Но ничто не побуждает его сделать красоту самоцелью своей жизни. Это лишь некая добавка к жизни, без которой, в принципе, можно было бы и обойтись.

Такое же отношение обыденного сознания и к религии, к сверхъестественному. Оно отводит Богу строго фиксированное место в жизни, вспоминая Бога лишь в воскресные и праздничные дни. Но превратить всю свою жизнь в постоянное искание Бога – недостижимый идеал для обыденного сознания даже в тех обществах, в которых «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей» [7, с. 314]. Только неуверенность в завтрашнем дне, болезни, боязнь потерять работу и родственников, страх смерти может нарушить привычный порядок домашней религии «душевного» и «плотского» человека. Это происходит потому, что «душевный» человек «не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием» [1, 1 Кор 2: 14]. А «плотский человек» ап. Павла уже познал Бога, но по своему развитию еще младенец, который питается молоком, а не твердой пищей [Там же, Евр. 5: 12], и поэтому постоянно возвращается на круги своя, к своему привычному повседневному образу жизни. Духовное же возрастание требует постоянных усилий по изменению себя и своей жизни.

Но, к сожалению, если обыденное религиозное сознание и обращается к Богу, то делает это весьма формально, внешним образом. «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня» [Там же, Мф. 15: 8]. В этом и заключается сама природа обыденного сознания, которому всегда легче соблюсти внешнюю форму, чем следовать внутреннему содержанию того или иного религиозного предписания. В большинстве случаев это есть для обыденного сознания единственно возможный способ богообщения, ибо в процессе ежедневной мирской суеты «огрубело сердце людей сих» [Там же, Мф. 13: 15] и поэтому «они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» [Там же, Мф. 13: 13]. Даже творческие люди часто жалуются на бытовую «суету сует», разрушающую, разъедающую человека, как разъедает ржавчина железо. Хорошо известна печальная фраза В. Маяковского о влиянии повседневной обыденной жизни на него самого: «Любовная лодка разбилась о быт» [8, с. 286].

Практическая установка обыденного сознания порождает даже особый класс людей, религиозных «мудрецов» и «знатоков жизни», переносящих свою житейскую «мудрость» в область религии. Многие фарисеи и саддукеи, услышав проповедь прор. Иоанна о том, что «приблизилось Царство Небесное» [1, Мф. 3: 1], пришли к нему креститься с целью избавления от грехов. Но прор. Иоанн Креститель называет их «порождениями ехидны» и предлагает им сотворить «достойный плод покаяния». Дело в том, что эти знатоки жизни чисто по-житейски захотели, как говорится, малой кровью решить свои личные проблемы. Но нельзя приемы, приносящие успех в обыденной жизни, автоматически переносить на религиозную сферу – Христос не терпит фальши и поэтому называет таких мудрецов слепцами: «они – слепые вожди слепых» [Там же, Мф. 15: 14].

Эти-то «мудрецы» и создают «заповеди человеческие», регламентирующие религиозную жизнь людей. Христос говорит о вредности и пустоте подобных «преданий старцев», если они прямо подменяют Заповеди Бога и маловажные предписания выдвигают вперед в ущерб главному, оцепивают комара, а верблюда поглощают [Там же, Мф. 23: 24]. Он также подвергает критике человека-трудоголика, погрязшего в «суете сует» [Там же, Еккл. 1: 2], в бесконечных житейских делах и проблемах: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» [Там же, Мф. 16: 26]. Такой осуетившийся в быту человек, в конце концов, становится живым мертвецом. Лишь у «духовных» людей (всех религиозных конфессий) обыденная жизнь переосмысливается и выстраивается иначе.

С наукой и философией у обыденного сознания также напряженные отношения. Характер включения специализированных знаний в обыденное сознание носит противоречивый, диалектический характер. Такие знания, просачиваясь в обыденное сознание, меняют его, но и сами трансформируются и преобразуются. Дело может даже принять такой оборот, когда научные знания только по форме остаются научными, но наполняются содержанием, полностью извращающим их первоначальный смысл. Они как бы растворяются в новой для себя среде и теряют свою специфику, незаметно начиная жить второй жизнью. Происходит не «онаучивание» обыденного сознания, а «обыденноизация» научно-теоретического или философского знания.

В художественной литературе тому можно найти множество примеров. М. Шолохов в «Поднятой целине» в шуточной форме неоднократно изображал трансформацию политических понятий в быденном крестьянском сознании 30-х годов XX века. Это – рассуждения деда Щукаря о «классовой борьбе» [14, с. 522, 590].

Обыденное сознание редко рефлексирует относительно своих мыслей и тех знаний, которые поступают из средств массовой информации, принимая их на веру, автоматически. Поэтому непосредственным продолжением рационального содержания быденного сознания оказываются заблуждения, иллюзии, предрассудки и суеверия, закрепленные в виде устойчивых психологических архетипов [4, с. 43]. С одной стороны, свою веру в те или иные идеи быденное сознание может проверить на истинность практикой, из которой извлекает знания, являющиеся рациональным началом жизнедеятельности, основой критического отношения ко всем чужеродным элементам. С другой стороны, ограниченность индивидуального и общественного труда создает предпосылки для искаженного отражения процессов, происходящих в природе и обществе. Возникает мир ирреальных образов. Поэтому в философии и психологии существует ярко выраженное стремление свести сущность быденного сознания к роли медиатора, буфера, посредника между сферой бессознательного и рефлектирующего сознания [11, с. 32-33; 12, с. 95-97]. Однако в быденном сознании присутствуют как иррациональные, так и рациональные компоненты, позволяющие человеку успешно устраивать свою жизнь.

Обыденное сознание непосредственно связано с практической повседневной жизнедеятельностью человека, помогает ему в борьбе «за место под солнцем». Но поскольку в основе человеческого существования заложено стремление к познанию высших смыслов бытия (об этом говорит появление специализированных форм сознания), постольку необходимо рассматривать саму жизнь не как самодостаточное явление, к которому надо только приспособиться, а как повод для ее преобразования, развития более высоких духовных идеалов. История культуры от древности до наших дней свидетельствует о постоянных попытках одухотворить быденное сознание, превратить «плотского» и «душевного» человека в «этического», «эстетического» и даже «духовного» [13, с. 111-113]. Однако можно констатировать, что в культуре все эти трансформации быденного сознания временны, требуют постоянных усилий по воспроизводству и не приводят к онтологическим изменениям природы человека. В рамках святоотеческого Предания считается, что человек может, конечно, духовно измениться, «обожиться» и даже стать богом, но только по благодати.

Список источников

1. Библия. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988. 1008 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3-х кн. СПб.: Наука, 1994. Кн. 2. 423 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 49-100.
4. Зарубко Е. Ю. Архетипы в быденном сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 27 (203). С. 37-43.
5. Лекторский В. А. Сознание // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 589-591.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1961. Т. 20. 827 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1961. Т. 21. 745 с.
8. Маяковский В. В. Во весь голос: неоконченное // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 10. Стихотворения 1929-1930 гг. С. 286-336.
9. Никитина И. В. Искусство и быденное сознание в социокультурной реальности современной западной цивилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 166-168.
10. Сегал А. П. Проблемное поле исследования быденного сознания // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 1-9.
11. Тхостов А. Ш., Нелюбина А. С. Соотношение рационального и иррационального в быденном сознании на примере представлений о болезни // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 1. С. 32-38.
12. Улыбина Е. В. Психология быденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.
13. Чельшев П. В. Попытки усовершенствования быденного сознания в истории культуры // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3-1. С. 110-113.
14. Шолохов М. А. Поднятая целина. М.: Московский рабочий, 1971. 687 с.

DIALECTICS OF ORDINARY AND SPECIALIZED CONSCIOUSNESS

Chelyshev Pavel Valentinovich, Doctor in Philosophy, Professor
National University of Science and Technology "MISIS"
Simeon5@rambler.ru

The article analyzes the nature of ordinary consciousness, the main elements of which are everyday life, pragmatism, prescriptiveness, situationality, syncretism, empiricism. The problem of correlation of ordinary consciousness with specialized forms of social consciousness, religion, morality, art, science and philosophy takes a special place in the study. It is shown that these forms of consciousness, trying "to improve" ordinary consciousness, determine a vector of its development, but at the same time they themselves can acquire its features.

Key words and phrases: algorithm; God; spiritual transformation; everyday consciousness; art; morality; science; ordinary consciousness; pragmatism; practical activity; religion; prescription; specialized consciousness; philosophy.